

ВЪ ГОРАХЪ.

(Изъ туркестанской походной жизни.)

(Продолженіе) (1).

ХП.

ЛЪСЬ РУБЯТЬ.

Все какъ-то случилось необыкновенно живо. Отбитый штурмъ, возвратившіеся стрѣлки правой колонны, ускочавшій адъютантъ, прибѣжавшій съ горы солдатъ, назначеніе свирѣпаго курильщика, — какъ будто все это вотъ такъ въ одну минуту и произошло. Давно-ли, напримѣръ, пересталъ катиться кубаремъ по откосу убитый солдатъ, запавъ, наконецъ, въ какую-то яму головой? Только сейчасъ сбѣгалъ почему-то «гробопатель» въ отрядъ, чтобы рассказать объ ужасномъ происшествіи (точно тамъ сами ничего и не видѣли) и поахать растеряннымъ образомъ первому встрѣчному въ самое лицо. У всѣхъ еще вытянуты фізіономіи, не сбѣжалъ вопросъ съ лица, — и сколько ужъ пережътъ...

А на самомъ-то дѣлѣ на все это нужно было время, и время, конечно, не малое. Таково свойство войны. Задержки и выдержки всегда страшно томительны и кажутся совсѣмъ не нужными. Дѣло же бѣжитъ шибко и время незамѣтно. Всѣ, напримѣръ, канителили и дремали, пока ползли по горѣ люди. Даже досадно было, что такъ медленно поднимаются они... Но стоило имъ выдти на чистое мѣсто — и весь отрядъ ожилъ, поднялся, впился въ гору и замеръ. Раздалось «ура». Одна одинаковая сила обняла весь народъ внизу и неотвязно прилѣпила къ гребню высотъ. Каждый шагъ, каждый выстрѣлъ, каждое малѣйшее замѣтное измѣненіе на горѣ отзывались во всемъ отрядѣ, который какъ будто не жилъ своей жизнью въ эти минуты, а отдалъ всю ее тѣмъ, которые отвѣчали за него своими головами. Низы не имѣли тогда ничего своего, самостоятельнаго. Они всѣ переселились на гору.

Увидали снизу, какъ вдругъ покатилаcь назадъ отрядная душа, пер-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1876 г., № 4.

вая его колонна. Покачнулся отрядъ въ разныя стороны, какъ въ угарѣ, широко открылъ глаза, вскрикнулъ шепотомъ и ошалѣлъ. Внутри его что-то оборвалось, онъ чувствовалъ какъ упало сердце...

Большое дѣло пойти на серьезный штурмъ. Но пойти назадъ, со штурма — гораздо больше.

Идти нужно, непременно должно. Слѣдовательно, дѣло ясно: требуется только рѣшиться двинуться, рѣшиться начать. Нужно громкое, смѣло и спокойно сказанное «маршъ». — «Пошли» — и остальное идетъ своимъ законнымъ, понятнымъ теченіемъ. Каждый шагъ, каждый выстрѣлъ приближаетъ только результатъ удачи. Каждый шагъ дѣлаетъ ближе побѣду — конецъ жертвамъ, конецъ войнѣ. Словомъ, сама природа вещей такова, чтобы идти впередъ.

Въ отбитомъ штурмѣ — все наоборотъ, все не такъ, все скверно, обидно. Всѣ жертвы, вся энергія — все побито, провалилось, ненужно, потоптано. Мало того, что ничего не сдѣлали, что «зря ходили», сколько напрасныхъ невозвратныхъ потерь, сколько горечи и того чувства, которое не задавишь, не урезонишь никакими резонными словами, не уймешь никакой поговоркой, что-де «сила солому ломить» и «плетью обуха не перешибешь». Ничто не замажетъ этой щели — «побѣжали»...

— Боли такъ — и ходить бы не зачѣмъ! Чтѣ людей перепортили, чтѣ перебили, а все зря!

— То и есть: пойтить — пошли, а замѣсто того назадъ бѣжать довелось! рвется наружу обида.

А вѣдь сколько самыхъ солидныхъ причинъ. Хоть бы тутъ, на примѣръ, на горахъ:

— Кабы ежели ротнаго не ранили, народъ бы не побѣжалъ.

— Конечно, что это случилось необычайно. Если бы теперь, можно сказать, не эта причина — тутъ же бы наверху были.

— Ужъ совсѣмъ на горѣ были влѣтъ. Только бы самую малость. А какъ въ этомъ случаѣ его сшибли — ту же минуту народъ смѣшался: который къ нему на примѣръ, который ужъ и не знаетъ — какъ и что...

Совсѣмъ хорошо и резонно объяснили. И всѣ согласны, что это случилось «необычайно». Никто и не думаетъ корить, а всѣ, напротивъ, сочувствуютъ. А, не смотря на все это, внутри, гдѣ-то глубоко, стоитъ все-таки «побѣжали», все-таки «зря ходили»...

Голосъ человѣка говорить это слово; того человѣка, который пробовалъ не умѣлость свою, не просто безусловное повиновеніе, а пробовалъ онъ свою удачу молодецкую, свою храбрость военную. Потому-то и не вытравить ему человѣческаго голоса, не унять голоса гордости,

оскорбленной тѣмъ, что выражено однимъ ходячимъ словомъ: «побѣжали».

Прошелъ первый моментъ и ошалѣлый отрядъ ожилъ. Онъ сразу весь пришелъ въ движеніе, заходилъ, зашумѣлъ. Въ немъ пробудилась собственная жизнь, ему хотѣлось самому отвѣтить за себя, самому постоять. И не потому въ немъ явилась эта потребность выступить впередъ, чтобы онъ вдругъ перемѣнилъ свои взгляды на ту частицу себя, которая не сумѣла оправдать его желаніе, — а потому, что ему хотѣлось какъ можно скорѣе изгладить тяжелое впечатлѣніе неудачи, не дать ему окрѣпнуть; хотѣлось горячѣе и нагляднѣе, такъ сказать, вымѣстить свою обиду. Отбитый штурмъ не осадилъ народъ, а только разжегъ его и ввелъ въ азартъ. Это не было: «вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день», а звучало совсѣмъ особымъ тономъ: «Эдакъ? — Ну, стой же ты, нечистая сила! Я те покажу дворянства!»

ХІІІ.

ТОПОРЫ ЗВЕНЯТЬ.

Всѣ рѣшительно были въ одномъ настроеніи движенія. Всѣ ходили — кто за дѣломъ, кто безъ дѣла; кто помогаль, кто путалъ и совался зря, — словомъ, всѣ толкались на одномъ мѣстѣ и требовали размаха — одни, чтобы развернуться и «расшибить», другіе — просто хотъ заорать во все горло, завывъ пронзительнымъ голосомъ. Всѣ искали чего-то спрашивали глазами, ждали. Всѣмъ страшно хотѣлось пороть горячку.

Только что вступила вернувшаяся правая колонна на площадку отряда, какъ ея начальникъ обрушился на перваго встрѣчнаго, весь занятый одною своею мыслью.

— Помилуйте, это я не знаю что! чуть не кричалъ онъ. — Тамъ рѣшительно нельзя идти! тамъ никого нѣтъ! Я проходилъ по пустынямъ, я потерялъ время, я не могъ участвовать въ дѣлѣ!...

— Пойдите вы, попробовалъ было остановить его тотъ, на кого онъ безвинно накинулся, но въ эту минуту явился съ батареею адъютантъ.

— Сорокъ человѣкъ стрѣлковъ на батарею, къ генералу! крикнулъ звонкимъ официальнымъ и не безъ нѣкоторой дрожи голосомъ пріѣхавшій адъютантъ. — Г. прапорщикъ, пожалуйста! обратился онъ къ взводному.

Его обступили со всѣхъ сторонъ и онъ, нѣсколько заикаясь и чаще обыкновеннаго передергивая глазами и плечомъ, второпяхъ рассказывалъ то, что случилось, — то и дѣло подвигая лошадь, чтобы ухватить обратно.

Черезъ полминуты весь отрядъ зналъ суть происшествія.

— Съ того это у нихъ и вышло-то, отхлынувшимъ голосомъ объяснялъ одинъ изъ солдатъ, когда извѣстіе сбѣло народъ въ кучки. — А то вижу—бѣгутъ, а понять нельзя.

— Я сейчасъ тогда же сказалъ: чего, молъ, нибудь у нихъ да вышло. Нельзя такъ, чтобы ни съ чего назадъ побѣгли.

— Тутъ же видать было, это точно. Сказываютъ, очень сильно поранили—въ самый въ глазъ...

— Вотъ сволочи—чего дѣлаютъ!

— Очень мѣстность не позволяетъ,—кабы мѣстность позволяла...

— Да, братъ, тутъ не орѣхи грызть—какъ онъ тебя камнемъ стаетъ угощать! Вонъ какъ...

— Пропустите! грубо-строго крикнулъ голосъ за спиной говорившаго.

Кучка прижалась къ камню и дала дорогу.

Хлѣсткимъ шагомъ прошли мимо стрѣлки съ молодымъ офицеромъ, дышавшимъ полнымъ здоровьемъ развивагося юноши. Солдаты всѣ были въ маршѣ и растягиваясь при обходѣ камней, тотчасъ же сѣдѣли занять свои мѣста въ строю. Видимо это былъ народъ бывалый, привычный къ самымъ неожиданнымъ переходамъ и всегда готовый на какую угодно услугу. Онъ шелъ теперь тѣмъ размашистымъ шагомъ, который не оставляетъ сомнѣнія, что люди эти на все рѣшились, пойдутъ не задумываясь всюду—только укажи. «Кого? Этого?» бросить такой человѣкъ на ходу и, не измѣняя шага, сдѣлаетъ поворотъ, и двинется куда показали. Только по тому движению, которымъ онъ смажетъ шапку на затылкѣ, какъ будто для того, чтобы она прочѣе сидѣла, можно угадать его отвѣтъ: «а вотъ стой—смотри что будетъ»...

— Пошли... съ Богомъ... пробормотала тихо кучка, какъ будто считая неловкимъ сказать слово громко.

Двое ближайшихъ солдатъ изъ фронта взглянули на кучку серьезными глазами и, не сказавъ ни слова, прошли вмѣстѣ съ другими, какъ люди, которымъ некогда заниматься ничѣмъ постороннимъ. Скоро камни совсѣмъ скрыли ихъ отъ лагеря, и только топотъ подборовъ слышался еще нѣсколько минутъ.

На батарее тотъ же вопросъ, который охватилъ весь отрядъ, былъ отпечатанъ на всѣхъ лицахъ. Всѣ ждали, безцѣльно переглядывались и посматривали на генерала. Одинъ только артиллеристъ стоялъ непоколебимо и смотрѣлъ на колесо орудія своимъ упорнымъ взглядомъ, переводя его иногда на солдатъ.

Генераль молча смотрѣлъ на высоты. Онъ довольно долго не сво-

дилъ бинокля съ лѣвой колонны съ молодыкомъ, и наконецъ, произнесъ своимъ мягкимъ голосомъ:

— Я думаю, что ни тотъ, ни другой не угадали мѣсть: оба выбрали очень неудачно... Знаете что? вдругъ взялъ онъ рукой за обшлагъ сѣрой рубахи стоявшаго съ нимъ рядомъ есаула, и потянулъ рукавъ нѣсколько къ низу: возьмите получше, отберите молодцовъ человѣкъ двадцать изъ своихъ казаковъ и идите вотъ по этой градкѣ, что рядомъ съ первой колонной. Тутъ деревья идутъ почти до самого верху...

— Слушаю-съ, ваше пр—ство, рванулся было уралецъ исполнять приказаніе, но генераль не выпускалъ его рукава.

— Да... ступайте... какъ будто бы вдумывался въ свой планъ генераль.—А я васъ поддержу...

Онъ выпустилъ рукавъ есаула. Есауль исчезъ.

— Не угодно будетъ приказать, медленно забасилъ около генерала голосъ, поставить второе орудіе?

Генераль поднялъ голову и взглянулъ на взводнаго, какъ будто приглашая его говорить. Онъ былъ занятъ своими мыслями и смотрѣлъ въ себя.

Тотъ же невозмутимый голосъ, тѣмъ же тономъ повторилъ вопросъ. Генераль посмотрѣлъ нѣсколько секундъ на него въ упоръ тѣмъ же взглядомъ и кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Да, поставьте, произнесъ онъ и снова ушелъ въ себя.

Артиллеристы засуетились.

Въ это время изъ-за каменныхъ глыбъ, окружавшихъ батарею, выдвинулись пришедшіе стрѣлки. Генераль самъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу, и тѣмъ совершенно неожиданно остановилъ колонну на самомъ размашистомъ шагу. Передніе сразу, тычкомъ осадили за самой спиной своего красиваго взводнаго и смяли заднихъ, не предвидѣвшихъ такой остановки. Начались свади удары и толчки, добѣжали до переднихъ и передались юношѣ, стоявшему съ рукой, приложенной подъ козырекъ, передъ самымъ генераломъ.

— Тихе, вы! оглянулся онъ строго назадъ, едва сбалансировавъ на носкахъ, чтобы не толкнуть начальника.

— Что вы прѣте? рассказали! пошло уже злѣе назадъ, вмѣстѣ съ оборачивающимися головами.

Генераль отвелъ прапорщика къ пушкамъ и сталъ отдавать приказанія, горячо объясняя направленія, такъ какъ стоявшій передъ нимъ молодой человѣкъ первый разъ видѣлъ эту мѣстность.

— Онъ уже пошелъ, слышно было, какъ объяснял генералъ: постарайтесь его догнать. У васъ люди не очень устали?

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—ство, не задумываясь отвѣтилъ молодой человекъ, и вслѣдъ за этимъ сорокъ стрѣлковъ, по строго выдержанной командѣ, тѣмъ же хлѣсткимъ шагомъ прошли мимо пушекъ, покосились на генерала и гаркнули, уловивъ какую-то его фразу, сказанную имъ на ходу.

Опять сдвинулись тѣснѣе кучки на батареѣ и въ отрядѣ, неловко выжидательно перекидываясь лишними фразами.

Предстояло ждать новыхъ опытовъ.

XIV.

хорошо смотреть съ берега на поющихъ гребцовъ.

Въ то время, какъ первыя гусеницы доползали до верхняго предѣла гребня, заросшаго деревьями, бѣленькій поручикъ съ своими тридцатью стрѣлками довольно успѣшно подвигался вверхъ, по началу отлогого еще подъема.

Онъ весь былъ полонъ тѣхъ картинныхъ мыслей, которыя завладѣли его головой съ самаго выхода съ бивака и которыя безостановочно подталкивали его идти скорѣе впередъ. Молодые мысли были до того живы, наглядны, и ихъ было до того много на каждый будущій моментъ, что казалось онѣ выросли уже въ дѣйствительность, перебрали и переработали все, что должно было совершиться. Не было ничего не рѣшеннаго, не яснаго. Оставалось только идти и побѣдить, — и побѣдить именно такъ, какъ побѣждалось въ пережитыхъ картинахъ. Даже больше: побѣждать, въ сущности, уже и не требовалось, а стоило только дойти—до того полно перегорѣла вся обстановка, всѣ перипетии побѣды въ поднявшихся нервахъ пылкой молодости. Казалось—фактъ уже совершенъ. Больше не приходилось думать. Мыслей не было, или онѣ были совсѣмъ постороннія, случайныя, незанятныя.

Состояніе головы было совершенно подобно тому, когда человекъ, рѣшившись горячо и разъ навсегда объяснить по дорожному дѣлу, сталъ соображать дорогою то, что нужно сказать, увлекся, и въ прекрасной, гладкой и сильной рѣчи высказалъ все накипѣвшее въ немъ чувство, исчерпавъ всѣ доводы, всѣ положенія и ультиматумы,—словомъ, *сказалъ* слово въ слово свою рѣчь, сказалъ *все*, и сказалъ именно такъ, какъ хотѣлъ, какъ было нужно. Но рѣчь сказала слишкомъ быстро и осталось еще три четверти пути. Онъ прибавляетъ шагу и снова уходитъ въ себя. Но внутри уже ничего нѣтъ, работа совершилась вполнѣ,

матеріалъ вышелъ уже изъ подъ машины совершенно готовымъ. Ничего ни прибавить, ни убавить нельзя. И махаетъ разошедшаяся машина легкими колесами, пустыми валами. Работа ея продолжается, она занята,—но работа по пустому мѣсту, занятіе въ одномъ движеніи. И шагаетъ идущій человекъ: въ немъ осталась только махающая сила—безъ матеріала. Это-то движеніе, какъ единственная вещь, замѣнившая работу дорогаго матеріала, теперь и поглощаетъ его, заставляетъ машинально, безъ мысли, взглядывать по сторонамъ и выбрасывать нигуда не нужныя мысли на счетъ попадающихся предметовъ...

То же было и съ бѣлокурнымъ прапорщикомъ. Онъ былъ совершенно пустъ, безъ матеріала. Но, размахавшись въ предыдущей работѣ, онъ продолжалъ махать и махать. Въ немъ осталось только одно—мысль не мысль, желаніе не желаніе, а что-то безотчетное, точно затверженное одно слово: «скорѣй». Онъ шелъ полнымъ шагомъ, не сберегая себя, посматривая и впередъ, и направо, но не могъ совершенно отдать отчета себѣ въ томъ, что онъ видѣлъ; онъ смотрѣлъ на все такъ же, какъ часто смотрять люди на часы, долго смотрять, прячуть ихъ въ карманъ, и не сумѣютъ отвѣтить на вопросъ—сколько часовъ? «Скорѣй, скорѣй» только мелькало у него въ ушахъ, повторялось языкомъ за долбленое слово.

— Ничего, отлично! Вонъ деревья... Отлично. Скорѣе только... А, ужъ они высоко... Ничего... отлично!.. Скорѣй... отмахивали ничего не забирающія колеса машины.

Они шли дѣйствительно «скорѣй». Прошли первый откосъ, обогнули камни. Начался подъемъ.

Раскраснѣвшійся юноша подался сильно впередъ и, глядя прямо въ землю, сталъ взбираться. «Скорѣй, скорѣй» не слышно прошептали его губы. Потъ вырвался изъ подъ фуражки и горячими струйками покотился по лицу. «Скорѣй», пригнулся ниже юноша и сдѣлалъ усиліе, какъ будто черезъ тридцать шаговъ предстоятъ и конецъ.

Кусокъ щебенки выскользнулъ у него изъ подъ ноги. Нога сорвалась и поѣхала назадъ. Онъ собралъ всѣ силы, чтобы не упасть и, ткнувшись рукой и колѣномъ въ острые мелкіе камни, поправился, выпрямился и оглянулся назадъ.

На этомъ случайномъ тычкѣ онъ вдругъ очнулся. Ему вдругъ стало ясно, какъ ничтожны его силы, какъ онъ слабъ, какъ запыхался, какъ мало прошелъ и какая пропасть осталась.

— Ну, это просто глупость, погорячился, сталъ онъ ободрять

себя.—Нужно ровно, но споро... Нечего стоять—надо «скорѣе», не со-
вѣтъмъ еще закончило свои обороты маховое колесо.

Онъ повернулся къ горѣ и взглянулъ вверхъ: гора, правда, крутая
гора, стояла вся передъ нимъ. Но на ней, казалось, такъ были близко
и камни, и деревья.... А вонъ и конецъ.

— Пустяки!... вонъ *они* еще гдѣ! обрадовался онъ медленному дви-
женію первой колонны, взбиравшейся отъ него черезъ нѣсколько гря-
докъ правѣ.

Пошли. Гора не сдавалась, однако, и дѣлалась круче. «Скорѣй» не
замедлило превратиться въ то же, что изображали уже столько времени
въ первой кучкѣ: новая партія гусеницъ поползла на гору. Во главѣ
ея былъ пылкій и пылавшій отъ усталости и жажды бѣлокурый юнецъ...

Онъ начиналъ понемногу сдаваться, начиналъ тосковать, мелко сер-
диться и на себя, и на гору, и на сосѣдей, на всѣхъ. Пущенныя ра-
кеты глухо воткнулись въ холмы. Солдаты шли медленно, не торо-
пясь, «лѣбтяями».

— Вонъ *ты* уже гдѣ—вонъ они такъ молоды, измѣнялся тонъ
мыслей въ борьбѣ съ огорченіями.

Посыпался цѣлый дождь щебенки рядомъ и огромный, правильный,
какъ вертящійся на токарномъ станкѣ, камень ровно-сильно прожужжалъ
мимо сверху. За нимъ прыгала и шумѣла мелочь. Свѣтлая глинистая
полоса выступила изъ поднявшейся пыли вдоль дороги пронесшейся
силы.

— Завидѣли, собаки! выругались солдаты.

— Словно бовба летить: едва глазомъ видать—сила какаля!

Предводителю не понравились камни, не понравились невинныя сол-
датскія рѣчи. Онъ былъ кругомъ недоволенъ, и недоволенъ просто по-
тому, что не могъ быть сразу, теперь же, «скорѣй» наверху, не могъ...

И вдругъ почему-то ожили опять передъ нимъ его дорогія карти-
ны.... Катятся камни, стрѣляютъ... Онъ уже высоко наверху... «Ура,
ребята»...

— Вышли, вышли... вонъ видать—пошли! вдругъ услыхалъ онъ
говоръ многихъ голосовъ сзади.

— Гдѣ вышли? быстро спросилъ онъ.

— А вонъ, ваше бл—діе, наши пошли. Вонъ идутъ наверху-то!
указали ему солдаты.

— Палить началъ, ишь какъ палить! живо перешли они къ инте-
ресу минуты.

— «Наверху уже... штурмъ начался...» какими-то клочками связа-
лась мысль у прапорщика, когда онъ увидѣлъ картину штурма, и у него

точно что сдавило въ груди. Картина не ожидалась, была *чужой* карти-
ной. Точно зависть какая шевельнулась внутри. «Перехватили, чортъ
возьми»!...

— Ура-а... ура-а!!.. покатались крики наверху, и густая масса бѣлыхъ
гусеницъ закопошилась сильнѣе.

Прапорщикъ и его стрѣлки остановились. Минута была дорогая, чтобы
ее пропустить. Надъ ихъ головами, имъ показалось, тоже что-то въ
родѣ глухаго крика, и вскорѣ пара камней, обгоняя другъ друга, играя
и радуясь своей неудержимой силѣ, шаркнули рядомъ и обсыпали
народъ каменными мелкими брызгами.

Всѣ взглянули на моментъ на камни, сжались инстинктивно, и снова
подняли головы кверху.

— И нашъ проснулся, бросилъ кто-то мелькомъ слово и замолкъ.
Ра-а-ра-а!... гудѣли тѣ же русскіе голоса наверху.

— Молодцы... идутъ-идутъ... ахъ, молодцы... мелькало въ молодой
головкѣ прапорщика. Онъ не только уже не завидовалъ что «началось»,
что его предупредили,—онъ самъ теперь летѣлъ туда, былъ тамъ, за-
миралъ, помогалъ. Юношеская натура была еще на столько чиста, что
не умѣла и не могла держать въ себѣ что-нибудь злое въ эти минуты.
Она вся безотчетно отдалась моменту, и самое горячее участіе, самое
чистое сочувствіе дышало теперь въ ея перехваченной груди...

— «Скорѣй, скорѣй»! опять звучало у него въ ухахъ. «Я имъ
покажу! скорѣй... теперь время терять нечего»... заронился опять новый
хаосъ мыслей, въ той же молодой головѣ стали являться и исчезать
картины за картиной, когда послѣ отбитаго штурма первой колонны онъ
снова карабкался выше по гребню.

— Ребята, за мной! почему-то вдругъ обернулся онъ къ солдатамъ,
точно рѣшительная минута была на носу.

Нѣсколько солдатскихъ лицъ обернулись въ его сторону и, не до-
умѣвая, посмотрѣли на юношу. Ему стало неловко, когда онъ увидѣлъ,
что половина солдатъ идетъ не за нимъ, а рядомъ съ нимъ, и онъ
заторопился.

— Ну, чтожъ? захотѣлось ему замазать въ себѣ неудачное восклицаніе:
лучше этого случая и требовать нельзя... Это даже отлично, что
такъ вышло. Отлично! Мы взойдемъ все-таки *первыми*, когда тѣхъ
отбили... Тѣ побѣжали, а мы взойдемъ... Отлично!.. отлично...

Внизу уже двинулись казаки. Выставили другую пушку на батарею.
Ушли новые сорокъ стрѣлковъ съ черноглазымъ взводнымъ.

Измученный бѣленькій юноша доканчивалъ половину своего гребня. Но онъ уже не шелъ колонной, не двигался прямо, а переходилъ и перебѣгалъ отъ рѣдкаго деревца къ камню, отъ камня къ ямочкѣ. Выше его, на соседнемъ гребнѣ, въ камняхъ сидѣли горцы и выслѣживали каждую русскую голову своими винтовками. Съ самаго верху сыпались и прыгали камни.

Идти, а не перебираться отъ камня къ камню—не было возможности. Грядка, выбранная «юнцомъ», вышла самой неудачной, и на сколько она понравилась ему снизу, на столько же оказалась невыносимой для штурма уже съ половины.

Забившись за самый верхній, высунувшійся на подъемѣ камень, сидѣлъ обиженный бѣлокурый молодячокъ рядомъ съ солдатомъ и поглядывалъ въ разныя стороны.

— Дай-ко мнѣ ружье, сказалъ онъ съ досадою солдату.

Тотъ подаль.

Въ ихъ камень какъ разъ въ эту минуту ударила съ слабымъ щелчкомъ пуля. Прапорщикъ взглянулъ и приложился по дымку, около котораго чернѣлась голова. Выстрѣлилъ и промахнулся.

— Дай патронъ, совсѣмъ разсердился онъ. Поправилъ прицѣлъ, выстрѣлилъ—и опять неудачно.

А въ камень, какъ на зло, снова расплющилась пуля.

— На! ткнулъ онъ ружье и усѣлся, надувъ губы.

— Господи! да что же это такое? нахлынула безконечная волна одинаковыхъ нехорошихъ мыслей и пошла расти.—Вотъ тебѣ и «первый»... Онъ отвернулся отъ выросшей картины, такъ недавно манившей его на верхъ... — Да что же это въ самомъ дѣлѣ! Вонъ еще идутъ, еще... вонъ ужъ они гдѣ! А я... да за что же это? за что же?.. за что...

Онъ наклонилъ низко голову и неловко, неестественно оперся на руку. На колѣни ему упало нѣсколько крупныхъ, горячихъ капель...

XV.

ЩЕНКИ ЛЕТАТЬ.

Тихонько, вершиками, болѣзненно ковыляя брели люди отъ высотъ по направленію къ отряду. Нѣкоторыхъ вели подъ руки. Двое шли обнявшись. За ними двигалась угрюмо пара холщевыхъ носилокъ съ тяжелой ношей.

Собирались полетѣвшія щенки. Только одна изъ нихъ лежала от-

крыто, недвижимо у всѣхъ на глазахъ, и ее не подбирали. Это былъ тотъ, который прокатился по скату кубаремъ.

— Раненыхъ ведутъ, раненыхъ ведутъ! раздались голоса въ отрядѣ, и многіе изъ солдатъ пошли на встрѣчу поплатившимся товарищамъ.

Одинъ за другимъ, съ промежутками, появлялись раненые изъ-за камней и начинали осторожно, по-большому спускаться внизъ къ лагерю по каменнымъ ступенямъ. Глухая боль, ноющее страданіе было написано на ихъ лицахъ.

— Постой, погоди, поможемъ сойти-то! бросилось нѣсколько солдатъ къ раненому, тяжело опиравшемуся на свое ружье.

— Нѣтъ, не надо, я самъ... слабо проговорилъ онъ и отнял локоть, за который его хотѣли поддержать.—Я самъ дойду...

— Гдѣ же ты самъ, глупый! Развѣ тебѣ можно самому? Ты въ ногу что ли?

— Въ ногу...

— То и есть. А самъ, говоришь! Стой-ка а ты...

— Нѣтъ, оставьте...

Раненый болѣзненно недовольно покачалъ головой. Еще болѣе страданія отразилось на сморщенномъ лицѣ, и онъ остановился, чтобы солдаты прошли впередъ.

— Ахъ, чудакъ! Рази тебѣ возможно... Да ты хоть ружье-то отдай, а самъ по камнямъ держись, да и спущайся.

Говорившій протянулъ руку за ружьемъ.

— Оставь, самъ дойду, отвернулся отъ него больной, и по-дѣтски, ступая одной ногой впередъ, сталъ спускаться.—Гдѣ поставить-то? спросилъ онъ, подойдя къ козламъ.

У него взяли ружье, поставили и, доведя до большого камня, посадили на землю.

— Вашскаб—дѣ, раненый здѣсь! крикнули солдаты, завидя доктора.

— Гдѣ? какъ-то вдругъ спросилъ тотъ, точно не ожидавъ ничего подобнаго, и поблѣднѣлъ.—А гдѣ ротный? сдѣлалъ онъ другой вопросъ, увидя больного солдата, и какъ-то засовался.

— Его слѣдомъ ведутъ, сейчасъ придутъ, отвѣтили ему.

Докторъ бросился на встрѣчу.

Только что онъ сталъ подыматься по всходу, какъ ему загородили дорогу двое: солдатъ велъ другаго — раненаго. Послѣдній обхватилъ его за шею лѣвой рукой и шелъ часто закрывая глаза. Въ правой рукѣ у него была винтовка. Рубаха замарана кровью. Проводникъ заботливо двигался небольшими шагами, поддерживая больного.

Докторъ остановился и широко раскрылъ глаза.

— Да вы хоть ружье-то бы у него взяли, сказалъ онъ.

— Не велить брать, вашск—діе, отвѣтилъ солдатъ.— Самъ, говорить, донесу.

— Да мало ли что онъ говоритъ! Взять и кончено. Вонъ онъ едва идетъ...

— Отдай ружье, Головкинъ! сказалъ новый солдатъ и взялся за винтовку.

— Нѣтъ, нѣтъ! испугался раненый слабымъ голосомъ. Я самъ, мое ружье....

Его взяли подъ другую руку.

— Возьмите, возьмите! крикнулъ докторъ. Экой народъ.

— Вашск.... дозвольте... Я самъ могу, умоляющимъ голосомъ обернулся къ нему больной.— Недалеко ужъ... всю дорогу несъ самъ.

— А, да ну васъ тутъ! разсердился докторъ и сталъ протѣснаться мимо.— Возьмите отъ него ружье и положите, я сейчасъ приду и осмотрю! крикнулъ онъ имъ въ слѣдъ и скрылся.

— Взять ружье-то? какъ-то боязливо спросилъ тихимъ голосомъ одинъ изъ провожатыхъ.

— Оставь! коротко отвѣтилъ ему другой, осторожно спуская раненаго.

Тотъ глухо застоналъ на большомъ уступѣ и закрылъ отъ боли и отъ слабости глаза.

— Дай-ка сюда, легонько взялся было снова правый проводникъ за винтовку.

Больной отрицательно покачалъ головой, не открывая глазъ.

Его спустили и довели до мѣста. Онъ безучастно взглянул кругомъ на обступившихъ его товарищей, отдалъ ружье, опустился безсильно на землю, вдругъ поблѣднѣлъ и забылся отъ слабости.

Слѣдомъ за первыми стали появляться еще и еще. Четверо солдатъ съ носилками на плечахъ остановились передъ спускомъ, покачались немножко подъ грузомъ, передожигли палки на другія плечи и стали спускаться. Раненыхъ укладывали и усаживали гдѣ придется около камней, отдавая имъ болѣе удобныя мѣста. Всѣ стали привыкать къ этому новому явленію и всякій новый раненый принимался какъ нѣчто уже давно знакомое. Только ближайшимъ землякамъ поусерднѣе хотѣлось выразить свои соболѣзнованія, да не умѣли они, не могли ни помочь, ни сказать много. Спросили: куда, какъ, когда, больно? чмокнули съ сожалѣніемъ языкомъ, да на томъ и остановились.

Вдругъ всѣ встали. На знакомой «раненой» дорожкѣ показалась

кучка офицеровъ и солдатъ съ докторомъ впереди. Каждый наперерывъ хотѣлъ «вести» ротнаго.

Высокій мужчина съ завязаннымъ глазомъ, съ лицомъ, замараннымъ кровью, и въ залитомъ той же кровью кителѣ, шелъ твердо въ срединѣ сопровождавшей его кучки.

— Да полноте, господа, говорилъ онъ черезъ силу, такъ какъ все лицо было связано прилипшими тряпками: съ какой стати вы меня ведете? Это просто смѣшно...

— Ну-ну-ну... а вы не храбритесь! не давали ему идти одному провожатые и скорѣе держались за его высокую фигуру, чѣмъ поддерживали.

Хвостъ замкнули еще нѣсколько раненыхъ солдатъ.

Наконецъ, докторъ засучилъ рукава, раскрылъ старый, давно пережившій себя казенный хирургическій наборъ и остановился, глядя съ недоумѣніемъ на всю эту кучу инструментовъ, о которыхъ ему приходилось вспоминать что-то изъ очень, очень давняго прошлаго, когда объ нихъ «читали»...

— Чортъ ихъ разберетъ! подумалъ онъ про себя, вынулъ какіе-то щипцы, открылъ ихъ и положилъ обратно.— Все равно, впрочемъ: какъ никакъ, а надо.... А вдругъ удачно, за то какая интересная практика...

Раненыхъ стали раздѣвать. Мелкій сдержанный стонъ и хныканье встало надъ ихъ угломъ, когда пришлось снимать сапоги, отдирать приставшія тряпки и бѣлье.

— Ну-ка, что у тебя? покажи, началъ осмотра докторъ.

Съ полубоязнью и съ вниманіемъ больнаго взглянули солдаты сами первый разъ на свои раны и покорно-безмолвно показали доктору. Всклинули, погнули въ себя сквозь стиснутые зубы струю воздуха, когда къ ранѣ прикоснулся зондъ, и затихли, со страхомъ глядя какіе ужасные клещи и ножи потрогивалъ докторъ руками...

— Удивительный народъ, объяснялъ бѣгавшій больше всѣхъ другихъ и ужасно тараторившій «гробкопатель»: всѣ рѣшительно сами дошли сюда, почти никого не вели. Замѣчательные молодцы! восхищался онъ передъ какой-то кучкой, но тотчасъ же отвернулся и ушелъ, какъ только увидалъ кровавую рану на обнаженномъ тѣлѣ.

— Вы замѣтили, какая странность у всѣхъ раненыхъ, разговаривали въ противоположномъ углу двое офицеровъ: ни одинъ не позволилъ взять у себя ружья, всѣ сами несли. Какъ вы думаете, что за мысль въ этомъ?

— Право не знаю. Это очень странно и только. Я думаю, что это просто дѣлалось такъ, безъ мысли...

— Имъ ружья отдать нельзя было, ваше б-діе, сказалъ сзади голосъ.

Офицеры обернулись. За ними стояло трое солдатъ.

— Почему же? спросилъ офицеръ улыбаясь.

— Какъ же можно ему ружье отдать? Теперь ежели онъ съ ружьемъ—онъ, хошь и раненый, а все онъ солдатъ считается.

— А безъ ружья-то онъ кто-же? улыбнулся шире офицеръ.

— Безъ ружья онъ ужь какой солдатъ, ваше б-діе. Онъ въ родѣ какъ невольный... затруднился, видимо, солдатъ выразить свою мысль.

— Солдату безъ ружья быть невозможно, вступился другой. Ежели онъ ружье отдалъ, его въ строй поставить нельзя. А коли ружье при ѣмъ, онъ все же въ строю считается... Это они не зря сдѣлали—ружья не отдавали.

Офицеръ пересталъ улыбаться и взглянулъ удивленно на своего собесѣдника. «Каковы-съ»? говорили его глаза.

Солдаты должно быть угадали смыслъ этого взгляда и какъ будто пріободрились:

— Это имъ къ чести надо приписать, ваше б-діе. Другой какъ ужь слабъ былъ—вонъ хоть Гиркина взять—того гляди упадетъ, а ружья не даль... Опять же и ротный командеръ сами шли. Это ужь вотъ здѣсь, передъ лагеремъ господъ обступили, да уговорили, — а раньше, солдаты сказывали—даже совершенно не приказывали себя вести... Вотъ они, напримѣръ, и повыше насъ, и все, а съ чего же такое ихъ было желаніе? Все съ того же... Это солдаты правильно сдѣлали, прибавилъ говорившій, возвращаясь опять къ первой своей мысли. Имъ безъ ружья нельзя было...

— Вѣрно, вѣрно, остановили солдатское однообразіе офицеры и отошли.

XVI.

ДОГОНЯТЬ ИЛИ НЕ ДОГОНЯТЬ?

А новыя силы тѣмъ временемъ взбирались на гору. Казаки, какъ вышедшіе раньше, были впереди. Рядомъ съ ними, по сосѣднему гребню, но нѣсколько ниже, шли стрѣлки. Шагъ ихъ до того былъ смѣлъ передъ этой горой, что они безъ труда вскорѣ догнали курителя, которому подъемъ давался далеко не съ такимъ успѣхомъ.

— А, вы уже здѣсь! оглянулся онъ на черноглазаго прапорщика

и потомъ взглянулъ на шедшихъ по сосѣдней грядкѣ казаковъ.—Знаете что? Идите къ нимъ. У васъ люди молодцы и вы ихъ догоните. А я васъ поддержу огнемъ, и когда мы будемъ на одной высотѣ, пойдемъ разомъ.

Онъ взглянулъ своимъ вызывающимъ, «свирѣпымъ» взглядомъ на прапорщика и съ рѣшительнымъ жестомъ прибавилъ:

— Ступайте туда. А мнѣ дайте только вашего юнкера.—Пойдемте, обратился онъ къ молодому человѣку съ унтеръ-офицерскими нашивками на погонахъ.

Они разошлись. Черный сюртукъ съ тремя бѣлыми рубашами полѣзъ въ гору. Полоска изъ сорока стрѣлковъ вытянулась поперекъ откоса, черезъ узенькій логъ, отдѣлявшій двѣ грядки съ деревьями.

— Смотрите, ребята! крикнулъ черноглазый взводный солдатамъ: черезъ логъ какъ можно скорѣе!

Налегая на лѣвыя стороны подборовъ, зашагала колонка, поглядывая часто налево и вступила въ самый логъ.

— Ваше б-діе, летѣ! крикнулъ коротко голосъ сзади.

Взводный съ двумя солдатами сдѣлали два прыжка. Задніе остановились.

Между этой разорвавшейся цѣпью съ удивительной силой проскочила двадцати-пудовая каменная глыба, глухо затрясши землю и задребезжавъ широкой волной ударовъ въ воздухъ. Огромный столбъ желтой пыли раздѣлилъ солдатъ. Кто-то вскрикнулъ.

— Что такое? спросилъ голосъ взводнаго по ту сторону пыльного облака.

— Ничего, ваше б-діе! крикнули ему съ этой стороны, и сквозь пыль стали перебѣгать къ нему солдаты.

— Ахъ ты, бѣсъ тебѣ въ глотку! Сволочь! ругался другой голосъ.

— Какъ, ничего?

— Ничего. Оцарапало Цурикова камнемъ...

— Больно?

— Не очень, ваше б-діе, отвѣтилъ самъ Цуриковъ, потирая бедро ноги. Такъ—саднитъ только.

Нѣсколько новыхъ камней пролетѣло у нихъ сзади и заставило оглянуться.

— Пушай теперь сколь угодно, проводили ихъ солдаты.

— А малость такъ не попало, обсуждали шумно солдаты, войдя на грядку съ можжевелникомъ и двинувшись нагонять казаковъ.

— Кабы Петренко не крикнулъ—захватилъ бы...

— Онъ хохоль у насъ глазастый.

— А я заразь побачивъ... увидавъ, поправился Петренко, якъ винъ летѣ, чортова глиба, ще й пидекакуе...

— Онъ побачивъ, пидскакуе! передразнили его.

— А колибъ винъ тобі шарахнувъ, тай булобъ, що якъ чортъ поганій въ очи наплювавъ...

— Винъ, кажу, знае, що знае, подсмѣялся еще кто-то на ломаномъ языкѣ, но не могъ тутъ же и не одобрить хохла: смѣяться-то нечего, а вотъ какъ надо сказать: кабы не хохоль—допрежь бы всѣхъ досталось прапорщику. Это прямо надо сказать, что хохоль помогъ.

— Ни! отвѣтили спокойно тотъ: се не я, а бистри ноженьки...

— Ахъ, шутъ... засмѣялись дружно солдаты и повалели на подъемъ.

Сѣрые рубахи хотя и были впереди, но разстояніе до нихъ замѣтно сокращалось. Стрѣлки не хотѣли отстать и отдать дѣло въ однѣ казачьи руки.

Тѣми же глазами смотрѣли и всѣ остальные бѣлые рубахи, разсыпанные по гребнямъ высотъ и въ отрядѣ. Какъ только казаки перешли половину, вопросъ о томъ, догонять-ли ихъ стрѣлки, сталъ единственнымъ и общимъ вопросомъ. Пѣхотная гордость теперь была вся перенесена на этихъ сорокъ человѣкъ ея представителей.

— Догоняють, догоняють... Вонъ ужъ совсѣмъ рядомъ. Вонъ, смотри, бѣлы-то рубахи... Вонъ рядомъ идутъ... только и было разговоровъ всюду.

Т. е. не совершенно всюду: былъ уголъ, гдѣ говорили иначе. Уголь этотъ былъ такой же сѣрый, какъ и казаки на горѣ.

— Казаки впередъ идутъ. Не догнать ихъ! Вонъ ужъ они гдѣ... Впередъ идутъ! Гдѣ догонишь—поздно вышли... не уступали сѣрые въ отрядѣ.

Но бѣлая гордость должно быть чувствовала на себѣ тѣ сотни глазъ, которые смотрѣли на нее со всѣхъ сторонъ. Не измѣняя ни на минуту шага, она подавалась и подавалась къ казакамъ. Сильныя молодыя легкія ихъ прапорщика какъ разъ были къ мѣсту, и нѣсколько стрѣлковъ, обогнавъ своихъ товарищей, поравнялись, наконецъ, съ нижними казаками.

— Догнали, догнали! разглядѣли снизу и остались совершенно довольны.

До верху оставалось немного. Приближалась роковая граница конца можжевелника...

XVII.

Г Е Р О И.

Ахъ, господа, какъ все это просто, коротко и ясно рассказывается въ реляціяхъ!

«Быстрымъ и смѣлымъ движеніемъ, поддержанные дружной стрѣльбой артиллеріи и прочихъ войскъ, казаки, преодолевъ всѣ трудности и невыгоды мѣстности, поднялись на высоты и...» и т. п., и т. п.

Вѣроятно, такъ бы было написано о томъ дѣлѣ, которое рассказывается здѣсь. Да, безъ сомнѣнія, такъ и написано. Быстро пошли, быстро взошли.

Сказано дѣйствительно «быстро». Но «не такъ дѣло скоро дѣлается, какъ сказка сказывается», говоритъ народное слово.

Позвольте же и мнѣ, сказывающему сказку, задержать еще разъ «быстрое движеніе» штурмующихъ и снова пробѣжать скоренько по другимъ частицамъ всѣхъ участниковъ этого дня. Война войной, стрѣльба стрѣльбой. Но не всегда же отдавать главное мѣсто въ рассказѣ героямъ. Нельзя же забывать и сѣренькихъ. Тѣмъ болѣе, что эти сѣренькіе, вѣдь если по правдѣ сказать, только потому и не герои, что не надъ ними теперь эти семьсотъ смертей. Наше геройство—совсѣмъ особенное, не похожее на «героя». Въ насъ ни выправки такой нѣтъ красивой, надлежащей, ни облика «лагороднаго», ни блестящей фразы—да, словомъ, мы совсѣмъ не «герои». Герой, т. е. настоящій герой, онъ прежде всего понимаетъ, что онъ «герой», онъ высоко ставитъ себя надо всей толпой, онъ ведетъ ее, онъ двигаетъ своимъ «геройскимъ» жестомъ, онъ свершаетъ «геройское» дѣло. Т. е. какъ бы это сказать поглаже?—Онъ *совсѣмъ* герой, и самъ себя и всѣ его такъ и называютъ не иначе, какъ «герой».

А тутъ совсѣмъ не то. Во-первыхъ, такого слова и въ поминѣ нѣтъ. Оно и въ реляціяхъ-то, вѣроятно, попадаетъ просто потому, чтобы не часто повторять слова смѣлость, молодцы, храбрость. Да, кромѣ того, реляція, конечно, сюда и не относится. Она, прежде всего, и пишется то послѣ войны, да, наконецъ, у нея самой иностранное имя, такъ ей и встаетъ произносить слово *герос*. Во-вторыхъ... ну какіе же мы въ самомъ дѣлѣ «герои»? Люди мы простые, рыцарей мы никогда не видали. Идей этихъ «героическихъ», что ли, то же у насъ въ заводѣ нѣтъ. Да наконецъ—мы всѣ одинаковы: у насъ нѣтъ «я герой», а есть только «мы—рады стараться». Мы и эффектовъ поэтому никакихъ не знаемъ, у насъ и словъ такихъ нѣтъ, какъ какое нибудь «vive»! Пошлютъ—мы идемъ. Идемъ прямо, безъ выходовъ, честно идемъ. Дошли—такъ ужъ

не насраимся, «не подгадимъ губерню». Сошлись—ну, такъ ужь, братъ, какъ тебѣ угодно, а «не прощу», разшибу единымъ духомъ. Разсердишь—«зубомъ изгрызу, а ни въ жизнь не разстанусь». Станешь ломить—ломю, а не сдамся, «пардону» не запрошу. Убьютъ... «всѣ подь Богомъ ходимъ, всѣмъ помирать приведется». И изломаютъ насъ, и умремъ мы,—но все-таки мы не «герои». Мы не скажемъ, да и не сьумѣмъ намъ сказать, не вспомнить даже о томъ, что сказать можно и нужно, — а такъ, какъ по-простецки пошли, какъ по-простецки дрались, такъ же хитро мы и умремъ.

Хитрости въ насъ такой нѣтъ, да и забывчивы мы на счетъ словъ, чтобы намъ попадать въ «герои».

Всякій другой на нашемъ мѣстѣ сколько бы разной разности наговорилъ, какъ бы, дѣйствительно, выдвинулъ свою геройскую обстановку. Настоящій-то герой ничего зря не пропуститъ. У него всякое лыко въ строку, потому что онъ всегда въ своемъ умѣ это слово держитъ. Приведется, хоть бы къ примѣру, умирать герою, такъ вѣдь онъ такъ не помереть. Нѣтъ, онъ всѣхъ рыдать заставитъ, того наговоритъ, того напоетъ, что всю душу изъ всѣхъ вытянетъ, измотаетъ всѣхъ, словно вонь хотъ Валентинъ какой въ оперѣ «Фаустъ», а потомъ ужь и помереть. А мы все то же продѣлаемъ, вдесятеро посердитѣй выдержимъ, а все-таки такъ и умремъ, не сообразивъ и не запомнивъ, что мы могли бы быть «героями».

Такъ какіе же мы герои. Избавьте ужь насъ отъ этой не нашей хитрости.

А если у насъ героевъ нѣтъ, а попадаютъ только изрѣдка «ярои», такъ намъ, значить, про нихъ про однихъ и рассказывать незачѣмъ.

Пусть они «быстрымъ движеніемъ» всходятъ «подъ градомъ непріятельскихъ пуль и камней». Пусть «смѣлымъ натискомъ заставятъ непріятеля бросить свою позицію», пусть даже «штыками пролагаютъ себѣ дорогу». Все это мы увидимъ и глядя со стороны на нихъ. А впрочемъ, можемъ вдругъ и налетѣть какъ разъ тогда, когда «быстрымъ ударомъ побѣда была рѣшена»...

На срединѣ небольшой площадки, составлявшей центръ расположенія отряда, на самомъ припѣкѣ, лежалъ на затасанной собственной шинели, уткнувъ голову въ руку, солдатъ въ одно рубашѣ. Надъ его ногой стоялъ на одномъ колѣнѣ докторъ и производилъ операцию.

Докторъ былъ человѣкъ невысокаго роста, въ мѣру полный и здоровый. Онъ былъ уже немолодъ, о чемъ наглядно свидѣтельствовала сильная сѣдина и въ бородѣ, и въ остаткахъ волосъ, сохранившихся

только кругомъ головы. Лицо его напоминало типъ приличнаго старика-еврея, раздобрѣвшаго и довольнаго вполне собой. Крупныя черты, толстый носъ, лоснящаяся щеки, окладистая сильная борода и гладкій крутой лысый лобъ—вотъ его портретъ. Онъ очень любилъ казаться добродушнымъ, не прочь былъ помолодиться, прихвастнуть своей бодростью, рассказать дураваго анекдотъ, подмигнуть молодому человѣку, и любилъ спокойную должность. Всѣ съ такимъ же добродушіемъ относились къ нему, шутили и нерѣдко подтрунивали надъ нимъ, но почему-то—можетъ быть именно вслѣдствіе его любви къ спокойной должности—совершенно какъ будто забывали его специальность и гораздо охотнѣе соглашались помириться съ той картиной, когда онъ задумывалъ ловить насѣкомыхъ и гоняться за бабочками, увлекшись занятіями коллектора-зоолога, чѣмъ представить его въ обстановкѣ врача. Этому, можетъ быть, помогало еще и то обстоятельство, что въ характерѣ самаго доктора было много подобныхъ наклонностей. Онъ самъ чаще другихъ готовъ былъ скорѣе смотрѣть на себя, какъ на начальника, нежели на врача. Къ низшимъ, къ солдатамъ, онъ относился съ высоты своего надворнососѣтницкаго чина, который не иначе считалъ, какъ «полковничьимъ», и увлекался болѣе приказаніями, порядками и внушеніями по отношенію своихъ пациентовъ. Словомъ, онъ былъ администраторъ, и въ глубинѣ своего полного очертанія таилъ надежды именно на счетъ такого поприща. Его любовь къ спокойствію и наклонность къ администраторству, а также и отдаленность тѣхъ временъ, когда онъ покинулъ храмъ науки, помогли развиться въ немъ и въ области его практической дѣятельности тоже болѣе спокойному, «микстульному» и наблюдательно-экономическому направленію, но никакъ не хлопотливой специальности хирурга. Онъ сладко покоился на своемъ кораблѣ и медленно, но неуклонно плылъ къ желанной пристани.

И вдругъ теперь, совершенно неожиданно свалилось ему на руки столько специальныхъ пациентовъ, требовавшихъ отъ него смѣлой, привычной и ловкой руки хирурга.

Онъ растерялся въ первыя минуты и совершенно не зналъ, какъ взяться за дѣло. Но отказаться нельзя. А кромѣ того, передъ нимъ былъ соблазнъ, который отлично смаковало его типичное лицо. «Заслуги... въ бою... операции подь пулями... неутомимость и полезная помощь массѣ раненыхъ»... Впереди онъ видѣлъ, какъ начинали обрисовываться маяки пристани.

— Но помимо этого, просто, по-человѣчески разсуждая, и то... Прекрасный случай доказать въ такую минуту... Вѣдь это не что нибудь, а какъ я имъ положу кучку измятыхъ свинчатокъ въ руку, такъ небось

поймутъ... Ну, и «на шею» тоже вѣдь... Да, наконецъ, ну что же тутъ такое? Вѣдь не боги же горшки-то обжигаютъ... А мы имъ покажемъ! Прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ случай...

Приличный стариковскій типъ, начавъ съ разчета, съ корабля, начиналъ увлекаться и увлекаться самымъ дѣломъ, увлекаться безкрасочно—наукой, подвигомъ, человѣчностью.

Онъ рѣшительно приступилъ къ дѣлу.

Но первый же ножъ, первое же движеніе тяжелыми и неуклюжими щипцами, первая зияющая рана заставили его брезгливо сжаться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, остановиться въ недоумѣніи передъ вопросомъ: какъ? Большой любитель игры въ рамсъ, онъ ощутилъ совершенно то же въ себѣ теперь, какъ въ тѣ минуты, когда на полѣ битвы, но битвы спокойной на «зеленомъ полѣ», онъ рисковалъ въ прикупѣ. Взявъ зондъ въ руки, онъ почувствовалъ, что сбросилъ всѣ карты и покушалъ, не имѣя ни одной вѣрной взятки.

Съ тремя солдатами онъ уже кончилъ. У одного была рана на вылетъ, и ему пришлось только наложить бинтъ. Двѣ искожанные пули, вынутыя изъ другихъ, лежали передъ нимъ на крышкѣ хирургическаго ящика.

Дрожація руки вертѣли неловко огромныя щипцы, засунутыя въ рану, и не могли захватить пулю. Онъ вынулъ щипцы, сдѣлалъ неудачный надрѣзъ и снова началъ копать въ мясѣ клещеподобнымъ инструментомъ. Солдатъ лежалъ не двигаясь и сдержанно, дробно стоналъ отъ ужасной, разворачивающей боли. Всѣ мускулы ногъ дрожали какъ въ лихорадкѣ.

А молодой хирургъ все ковырялся, кровянился и, торопясь неумѣлыми руками поскорѣе окончить операцію, едва ли страдалъ меньше, чѣмъ его пациентъ.

— Ну что, какъ? остановился надъ нимъ какой-то офицеръ.

Операторъ поднялъ голову.

Онъ былъ безъ шанки, въ разстегнутомъ кителѣ. Блѣдное лицо все обливалось потомъ, губы мелко подергивались отъ нервной работы.

— Да вотъ... началъ было онъ объяснять, но тотчасъ же перебилъ мысль.—Вонъ двѣ ужъ вынулъ, кивнулъ онъ на ящикъ.— Да, батюшка...

При постороннемъ наблюдателѣ руки еще меньше повиновались ему. Солдатъ повысилъ тонъ, замеръ на нѣсколько секундъ и вдругъ затресса всѣмъ тѣломъ.

Офицера передернуло. Онъ отвернулся и ушелъ быстрыми шагами, что-то бормоча сквозь зубы.

— Жарковъ! крикнулъ дрожащимъ усталымъ голосомъ докторъ «ученигу». — Поди сюда, обмой рану и наложи повязку!

Пуля была вынута. Солдатъ замолкъ и про себя нылъ.

— Да-съ, батюшка, вытянулся, разгибая уставшую спину, хирургъ передъ кѣмъ-то изъ знакомыхъ. Голосъ у него уже былъ спокоенъ, настроенное состояніе отхлынуло и осталась только блѣдность и усталость.

— Да-съ, работка!.. Три пули—это не шуточка-съ...

Въ глазахъ у него блеснули какія-то младенческія радостныя искры, когда онъ взялъ пули въ руку и показалъ говорившему съ нимъ. Въ эту минуту онъ былъ хорошъ до того, что даже типическія черты какъ-то потеряли свое сходство съ оригиналомъ. Въ эти минуты онъ былъ дѣйствительно радъ, тронуть, чистъ душою отъ всего посторонняго. Лежавшія на ладони пули были еще для него только «злые» пули и не имѣли въ себѣ ничего суетнаго, не были «благодѣтельными», пулями, какими онѣ могли сдѣлаться потомъ. Первое истязаніе, которое онъ выдержалъ, заплатило за себя этими человѣческими минутами.

XVIII.

СТАРАТЕЛЬНЫЙ СОЛДАТИКЪ.

Съ батареи прилетѣли два пушечныхъ удара.

Всѣ подняли головы вверху.

— А-а, поднялись ужъ, поднялись, забормотала толпа.

Скверныя дымки цѣлыми полосами стали выростать и на гребнѣ, и въ штурмующихъ колоннахъ. Знакомый, неприятно трескучій, сухой и злой акордъ послѣдовалъ за дымомъ.

Еще трескотня. Еще — безостановочно. Два новые грохота снизу присоединились къ ружейному шелканью наверху.

— Сейчасъ, сейчасъ... вонъ ужъ они... не могла удержаться мысль внутри и выходила сама собой наружу.

— И наши тама—вонъ бѣлыя-то рубахи!..

Тра-тр-тх-тх... новый залпъ гуще перваго рванулся изъ деревьевъ, и горки задвигались.

— На ура двинулись! ура кричатъ, пошли! ничѣмъ не заставить сидѣть внутри напирajúщія мысли.

Толпа какъ-то сжималась. Хотѣлось вѣшиться въ сосѣда, впиться въ него пальцами, да такъ и замереть.

— Гдѣ они? какъ бы взглянуть... дозволю, милый! поднялся на рукахъ раненый, которому дѣлалъ ученикъ перевязку.

— Лежи, лежи а ты, куда лѣзешь! отвѣтилъ тотъ.

— Только чуточку, одну минутку взглянуть... Вѣдь пошли, говорятъ, молилъ тотъ.

— Бьютъ, бьютъ... вонъ палъ одинъ... вонъ палъ... Ахъ ты, Господи! чтожь это... ахъ! какъ-то тихо про себя чмокалъ солдатикъ, судорожно обхвативъ дуло своего ружья пальцами. — Ахъ, какъ это... ахъ... не унимался онъ.

Это былъ въ полномъ смыслѣ слово «солдатикъ».

Худой, тщедушный, небольшого роста, съ впалой грудью, жидкими свѣтлыми волосами и выдерганными усами. Сѣрые глаза необычайно откровенны. Подвижное лицо съ множествомъ морщинъ такъ и отпечатывало все его нутро. Онъ принадлежалъ къ типу тѣхъ маленькихъ, неудачныхъ жизнью людей, тихихъ, добрыхъ и ласковыхъ, которыхъ съ перваго раза увидишь въ толпѣ, признаешь по ихъ сѣрымъ «мирнымъ» и, теплящимся глазамъ, по ихъ кроткому, нѣсколько пѣвучему голосу. Они первые заговариваютъ съ незнакомымъ человѣкомъ и тотчасъ же выложить всю свою душу, расскажутъ всѣ подробности своихъ дѣлъ, надеждъ, сѣтованій и предпріятій. Это люди толпы. Въ молодости они были бойкими, довѣрчивыми и ласковыми Васьками, Прошками, Мишками. Но ни одинъ изъ нихъ ни въ одномъ дѣлѣ, ни въ одной игрѣ и шалости не былъ первымъ, не былъ изобрѣтателемъ. За то они всѣхъ больше бѣгали, всѣхъ больше и искреннѣе хохотали, всѣхъ больше и неотступнѣе хлопотали и работали надъ изобрѣтеніями другихъ. А главнымъ образомъ всѣхъ больше ревѣли и съѣли тычковъ. Они не могли существовать безъ другихъ, безъ заводчиковъ, безъ коноводовъ. Ихъ привязанности были самыя нѣжныя, добрыя. Они готовы были на всякій трудъ, на всякія побѣгушки для коновода, дѣлались съ нимъ всѣмъ своимъ добромъ: у нихъ отбирали весь горохъ, отламывали полпирога, обыгрывали въ бабки. И никогда ни одинъ Васька, ни одинъ Мишка не протестовалъ противъ этого обирания.

— Васька, дай гороху! смѣло подходилъ къ нему другой.

— На.

Только и скажетъ Васька.

— Васька, ты тутъ посиди, покараулъ за меня, а я вонъ сбѣгаю.

— Ладно, бѣги.

— Васька, бѣги скорѣй на край деревни, тащи жердь оттедова!

— Гдѣ? Сичасъ! бѣжить Васька.

— А ты скорѣя, паршивай!

И Васька пускается во всю мочь за жердью. Принесетъ и отдастъ. Устроятъ другіе съ его жердью штуку, и онъ будетъ надрывать животы и всѣхъ больше убиваться, стараться и потѣть.

Побьютъ Ваську—онъ поплачетъ въ рукавъ и отойдетъ. Крикнуть его: «пошелъ, Васька, держи веревку!» и Васька, утирая глаза и всхлипывая носомъ, идетъ тихонько и становится рядомъ.

— Что, сволочь, ревешь?

— А ты зачѣмъ дерешься? отвѣтитъ Васька и берется за веревку.

Преданность, душевность и старательность—вотъ три непремѣнныя принадлежности Васькиной натуры. Съ ними онъ росъ, съ ними онъ и выросъ, сталъ изъ мальчишки парнемъ и мужикомъ. Какъ Васькой «старался» онъ надъ тасканьемъ, карауленьемъ и т. п., и никогда не пользовался плодами своихъ стараній, такъ же точно пошло съ нимъ и тогда, когда онъ сдѣлался Васильемъ. «Старательнѣе» мужика—рѣдко найти. Бьется онъ, колотится,—и всегда у него вырвать горохъ изъ рукъ, отломать полпирога, обыграютъ въ бабки, надаютъ затрепичи. Загорюетъ Василій, заплачетъ,—но попадется первый человѣкъ, который его слушать будетъ, и онъ вытрясетъ ему все свое горе, отговоритъ свою душеньку: «а онъ зачѣмъ дерется?» приведетъ къ тому же результату свою обиду Василій и возьмется снова за веревку, и опять начнетъ стараться. Его душевность, неумѣнье хоть что нибудь таить въ себѣ долго помогаютъ ему забывать скоро обиду. Отговорится душа, отнюетъ—этимъ и сердце отошло. «На немъ грѣхъ, не на мнѣ», прощаетъ онъ несправедливость и ищетъ глазами кругомъ того «добраго человѣка», съ которымъ бы можно жить «любя—тихо, чесно, по-божески».

Натура Василья на столько открыта, на столько непосредственно наивна въ своей простотѣ, что она не можетъ не болѣть о чужомъ горѣ, о чужой нуждѣ, о чужой обидѣ. Василій первый бросится поднять свалившійся возъ, не задумываясь подаетъ горбушку нищему, пустить прохожаго ночью къ себѣ ночевать, подвезетъ охотно солдата по дорогѣ, слѣзетъ съ телѣги, чтобы объяснить, какъ проѣхать къ деревни и т. д. Это неисчерпаемый соболѣзнователь обо всякомъ чужомъ дѣлѣ. Таковъ же онъ и на сходахъ, и на работѣ, и въ подрядѣ, всюду. Вездѣ онъ охотно впряжется, самъ поправитъ хомутъ и будетъ выбиваться изъ силъ, чтобы потомъ ныть и плакаться, потому что ему же, конечно, всегда и влетитъ больше всѣхъ и отъ всѣхъ. Но все-таки безъ людей ему жить невозможно, все-таки онъ трется около толпы и отвѣчаетъ за все вмѣстѣ съ другими такими же Васильями. Онъ на все согласенъ: что «миръ», какъ «люди», такъ онъ. Подтолкнуть его орать—онъ заоретъ. Пошлютъ бѣжать—побѣжитъ. Велятъ отступить—броситъ. Заставятъ пить—натрескается. За то всегда прежде всѣхъ онъ окажется виноватымъ, съ разбитой рожей, съ снятыми сапогами; прямѣе всѣхъ влетитъ въ кутузку,

въ штрафъ, подь розги, въ острогъ... Но всегда онъ вѣренъ самъ себѣ: всегда искрененъ, преданъ дѣлу, старателенъ.

Вѣчно соболѣзнуя о своемъ и чужомъ горѣ, онъ сдѣлался задушевнымъ болтуномъ и преданнѣйшимъ слушателемъ. Разговаривать, и всегда душевно разговаривать, или слушать, и слушать искренно—вотъ непремѣннѣйшая потребность его неглубокой души. Главное его горе было безсиліе. И онъ измѣлчалъ. Его нехитрая голова совсѣмъ потеряла самостоятельность—и рядъ мыслей сложился съ чужаго голоса. Собственного у него осталось только—его чистота и грусть, его преданность и старательность.

Такъ жилось Василью. Все, что несло надъ его головой еще съ дѣтства—всѣ огорченія, обиды и обдѣлы, все летѣло какъ-то мимо, точно скользило по его душѣ безъ закоулковъ. Но эти тычки, это вѣчное положеніе пріемыша на самомъ дѣлѣ не проходило даромъ. Оно ложилось своими мелкими морщинами на Василья, сморщивало его, сушило. Онъ не принадлежалъ къ силачамъ—и эти вѣчныя надсаживанья, непосильный трудъ и обида сдѣлали свое дѣло. На губахъ сложилась горькая улыбка, въ глазахъ сквозила нѣкоторая слезливость, голосъ сталъ дрожать, грудь ввалилась, выработалась вѣчная сухота.

Василій поступилъ въ солдаты и переименовался изъ Васильевъ въ Подпаскина. Какъ всегда, онъ живо освоился съ новымъ положеніемъ и сталъ «старательнымъ солдатикомъ». Свои привязанности онъ перенесъ на роту. Услугами его пользовался всякій, кому не дѣнь. Задушевной болтовней подкупался на все. И въ концѣ концовъ онъ былъ и здѣсь съ тѣмъ же полширогомъ, съ обыгранными кознами, съ тычками и несправедливостями, какъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Но и здѣсь онъ также былъ покоренъ, также чистъ душой, словомъ—онъ не измѣнился, какъ не измѣнилось его скомканное лицо отъ того, что онъ обрилъ бороденку и остригъ волосы; не сдѣлался суровѣе его болѣзно-ласковый взглядъ отъ того, что прикрылся форменнымъ козырькомъ; не огрубѣлъ его пѣвучій голосъ отъ заученныхъ «пунтиговъ» и «словесности». Онъ остался тѣмъ-же. Его смиренная натура только принимала другую пищу, но солдатскій штрихъ не смогъ передать ему своего закала. И никто другой, сбросивъ сѣрую шинель и попавъ опять въ деревню къ пашнѣ, или въ городъ въ извозчики, не вызоветъ меньше подозрѣній, что онъ былъ когда-то солдатомъ, до той минуты, когда его словоохотливый языкъ не выложитъ залпомъ всю біографію своего хозяина.

— Ахъ ты, Боже мой!—сокрушался Подпаскинъ и переминался на мѣстѣ. Вотъ тутъ остались... Какъ же это... Эхъ, насъ-то вотъ тутъ

оставили!... Эхъ... Вонъ еще палецъ одинъ!... ахъ, зря остались... разсуждалъ онъ самъ съ собой, не сводя глазъ съ горы.

— Да тебѣ-то что же? заинтересовался его рѣчью кто-то изъ офицеровъ.

Солдатикъ перевелъ на него свои «откровенные» глаза.

— Какъ же можно, ваше б-діе, вѣдь своихъ бьютъ... товарищевъ. А мы тутъ остались. Какъ же можно...

— Тагъ ты что же не попросился?

— Оставили тутъ, ваше б-діе, при вещахъ находиться. А мнѣ было ужъ какъ охота... Господи! вѣдь своихъ бьютъ... а мы тутъ... какъ же возможно...

— Вотъ и тебя, пожалуй, убили-бы.

— Божья воля, ваше бл-діе, конечно... Отъ этого не упасешься... А какъ главное—все же бы я зналъ, что я тама, а не то что остался здѣсь... А это, конечно, что его Господня воля—всѣ подь Богомъ ходимъ... Ахъ, Господи! вонъ они, вонъ... стараются теперь... за насъ... стараются... до капли крови стараются...

Вдругъ сдержанное бормотанье толпы вырвалось наружу и все загудѣло.

— Взяли! взяли! Тама! На верху! Побѣгли! Погнали...

Сверху, въ тонъ толпѣ, донеслись шумные крики взявшихъ высоты солдатъ.

— Взяли, батюшки, взяли, голубчики! Ахъ ты, Господи!.. Побѣгли... ахъ... ахъ... А мы то... ахъ!... всѣхъ больше торжествовалъ побѣду Подпаскинъ и чуть не подпрыгивалъ около своего ружья.

Восклицаніямъ и торжеству не было конца. Всѣмъ хотѣлось обниматься.

Большинство раненыхъ поднялось на ноги, чтобы посмотрѣть на гребень высотъ. Одинъ только ротный какъ-то еще глубже прижался въ камняхъ и сидѣлъ безъ движенія.

Д. Ивановъ.

(Окончаніе будетъ).